

ИЭН
МАКБЮЭН

ЦЕМЕНТНЫЙ САД

Интеллектуальный бестселлер

Иэн Макьюэн
Цементный сад

«ЭКСМО»

1978

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

Макьюэн И.

Цементный сад / И. Макьюэн — «Эксмо»,
1978 — (Интеллектуальный бестселлер)

ISBN 978-5-699-43306-3

Иэн Макьюэн – один из авторов «правлящего триумvirата» современной британской прозы (наряду с Джулианом Барнсом и Мартином Эмисом), получивший Букера за роман «Амстердам». «Цементный сад» – его дебютная книга, своего рода переходное звено от «Повелителя мух» Уильяма Голдинга к «Стране приливов» Митча Каллина. Здесь по-американски кинематографично Макьюэн предлагает свою версию того, что может случиться с детьми, если их оставить одних без присмотра. Навсегда. Думаете, что детство – самый безоблачный период жизни? Прочтите эту книгу.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-43306-3

© Макьюэн И., 1978
© Эксмо, 1978

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	12
3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Иэн Макьюэн Цементный сад

© Н. Холмогорова, перевод на русский язык, 2010

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство» «Эксмо», 2010

Часть первая

1

Я не убивал своего отца. И все же порой мне кажется, что я подтолкнул его к гибели. Хотя его смерть случилась в период моего взросления, событие это было незначительным по сравнению с тем, что произошло потом.

Отец остался в моей памяти болезненным, раздражительным и настырным, с желтизной в лице и в руках. Разговаривая о нем через неделю после похорон, мы с сестрами вспомнили, как санитары «скорой помощи» накрыли его красным одеялом и понесли прочь, и Сью разрыдалась. О его смерти я рассказываю лишь для того, чтобы стало понятно, откуда мы с сестрами взяли столько цемента.

Как-то раз в начале моего четырнадцатого лета перед нашим домом остановился грузовик. Я в это время сидел на верхней ступеньке крыльца и перечитывал комикс. Водитель и еще один человек вышли из машины и направились ко мне. Их лица покрывал слой бледной пыли, отчего оба походили на привидений. И тот и другой пронзительно насвистывали два совершенно разных мотива. Я вскочил и спрятал комикс за спину, остро досадуя на то, что в руках у меня нет отцовской газеты, раскрытой на репортаже со скачек или хотя бы с футбольного матча.

– Цемент? – вопросительно произнес один из них.

Я сунул большие пальцы рук в карманы, перенес вес на одну ногу и чуть прищурился. Очень хотелось ответить коротко, сухо и по делу, однако я не был уверен, что правильно слышал вопрос. Пауза затянулась. Тот, что обращался ко мне, завел глаза к небу и, уперев руки в бока, уставился на дверь за моей спиной. Дверь отворилась, вышел отец с блокнотом в руках и с трубкой во рту.

– Цемент, – повторил незнакомец, на сей раз утвердительно.

Отец кивнул. Я сунул комикс в задний карман и зашагал следом за тремя мужчинами к грузовику. Отец, приподнявшись на цыпочки, заглянул в кузов, вынул трубку изо рта и снова кивнул. Второй незнакомец, тот, что молчал, взялся рукой за стальной штырь сбоку кузова и резко дернул вниз. Один из бортов с лязгом открылся. В глубине кузова лежали в два слоя бумажные мешки, туго набитые цементом. Отец пересчитал их, заглянул в блокнот и сказал:

– Пятнадцать.

Такая манера говорить мне очень понравилась, и я повторил про себя: «Пятнадцать». Промычав что-то в знак согласия, рабочие взвалили на плечи по мешку и понесли их к дому. Теперь я шел впереди, а отец – прямо за мной. Завернув за угол, он указал влажным мундштуком трубки на угольную яму. Рабочие сбросили мешки в подвал и пошли к грузовику за следующей партией. Отец что-то отметил в блокноте карандашом, свисавшим с корешка на веревочке. Затем принялся в ожидании покачиваться на каблуках. Я прислонился к забору. Зачем отцу понадобился цемент, я не знал, но не собирался признаваться в своем неведении. Вместе с отцом я считал мешки, а когда разгрузка закончилась, пристроился рядом и смотрел, как он подписывает квитанцию. Не сказав ни слова, мы вернулись в дом.

Вечером, когда мы еще не вышли из-за стола, родители поссорились из-за мешков с цементом. Мать, обычно тихая и спокойная, пришла в ярость. Она требовала, чтобы отец отослал их обратно. Пока она говорила, отец перочинным ножом счищал копоть с черенка трубки прямо в тарелку с едва тронутым ужином. Он отлично умел использовать против матери

трубку. Мать говорила, что у нас совсем нет денег, а Тому скоро в школу, и, значит, нужно его одеть. Отец вставил трубку в зубы, где она смотрелась как-то привычнее, и перебил мать.

– Не может быть и речи, – сказал он, – о том, чтобы отослать мешки назад. Все, разговор окончен.

Я видел грузовик, и тяжелые мешки, и рабочих, которые их привезли, и ясно понимал, что он прав. Но как же самодовольно и глупо выглядел он сейчас, когда, снова вынув трубку изо рта, обвиняюще ткнул мундштуком в сторону матери. Она уже чуть ли не задыхалась от гнева. Мы с Джули и Сью выскользнули из-за стола, взбежали наверх, в спальню Джули, и закрыли дверь. Голос матери, то громче, то тише, доносился и сюда, но слов мы уже не слышали.

Пока Джули придвигала к двери стул, Сью повалилась на кровать, хихикая и зажимая рот кулачками. Вдвоем мы быстро сорвали с нее одежду. Когда мы стягивали с нее трусы, наши руки соприкоснулись. Сью была совсем тоненькой. Кожа плотно обтягивала ребра, а тугие мускулистые ягодицы странно напоминали лопатки. Между ног у нее уже золотился нежный пушок. Мы играли в ученых, исследующих неизвестное существо из космоса: перебрасывались репликами с немецким акцентом и многозначительно переглядывались над распростертым нагим телом. Снизу доносился голос матери, усталый и настойчивый. Высокие скулы придавали взгляду Джули странное, загадочное выражение, словно у редкого дикого зверя. В электрическом свете глаза ее казались огромными и совсем черными. Сейчас, чтобы скрыть улыбку, ей пришлось надуть губы. Я страстно мечтал исследовать старшую сестру, но этого не позволяли правила игры.

– Итак, коллега?

Мы повернули Сью на бок, а затем на живот. Мы гладили ее спину и бедра, заглядывали с фонариком в рот и между ног, где уже расцвел крохотный цветок плоти.

– Что скажете, герр доктор?

Послунив палец, Джули погладила бутон – и по спине Сью пробежала легкая дрожь. Я смотрел не отрываясь. Потом сам послунил палец и сделал то же самое.

– Ничего особенного, – сказала она наконец, прикрыв двумя пальцами узкую щелку. – Но мы будем продолжать исследования?

Сью умоляла нас продолжать. Мы с Джули многозначительно переглянулись – двое невежд, воображающих, будто им что-то известно.

– Теперь твоя очередь, – сказал я.

– Ну нет, – как всегда, ответила она. – Теперь ты.

Сью, уже перевернувшись на спину, просила:

– Ну еще немножко!

Я отошел от кровати, поднял с пола юбку Сью и бросил ей.

– Об этом не может быть и речи, – отрезал я, сжимая в зубах воображаемую трубку. – Все, разговор окончен.

Я заперся в ванной и присел на край, спустив трусы до колен. Думая о загорелых пальцах Джули между ног Сью, я довел себя до быстрого, острого спазма наслаждения и, только когда он прошел, вдруг заметил, что голоса внизу давно уже стихли.

На следующее утро мы с братишкой Томом пошли в подвал, большой и неизвестно зачем разделенный на множество отсеков и кладовок. Пока мы с ним спускались по каменной лестнице, Том боязливо жался ко мне. Он уже слышал о мешках с цементом и желал на них взглянуть.

Угольная яма примыкала к самой большой кладовке, здесь еще оставался уголь с прошлого года, и все мешки тут не поместились – часть из них валялась на полу. У стены стоял массивный оловянный сундук, имевший какое-то отношение к краткому пребыванию отца в армии. С некоторого времени в него складывали кокс, чтобы не смешивать его с углем. Том захотел заглянуть внутрь, и я поднял крышку. Сундук пустовал, и в нем было так темно, что не

видно дна. Том схватился за край сундука и крикнул: «Эгей!» – воображая, что стоит на краю пропасти и сейчас до него донесется эхо. Ничего не услышав в ответ, он захотел посмотреть остальные кладовки. Я повел его к той, что ближе к лестнице. Дверь здесь едва держалась в петлях: стоило мне ее толкнуть – и она отлетела. Том расхохотался, и его смех эхом понесся по коридору. Здесь стояли картонные коробки с какой-то заплесневелой одеждой. Том нашел несколько своих старых игрушек, презрительно пнул их ногой и сказал, что они для маленьких. За дверью нами была обнаружена старая детская кровать, в которой в свое время поспали мы все. Том потребовал собрать ее, а я ответил ему, что кровать уж точно для маленьких.

У лестницы мы увидели отца: он спускался вниз.

– Пойдем-ка, – сказал он мне, – помоги мне с мешками.

Я пошел вслед за ним в большую кладовку. Том прятался у меня за спиной: отца он побаивался. Недавно Джули сказала мне, что, с тех пор как папа стал почти инвалидом, он борется с Томом за мамино внимание. Ее слова меня так поразили, что я надолго об этом задумался. Так просто – и так чудно: взрослый мужчина соперничает с маленьким мальчиком. Позже я спросил Джули, кто же побеждает, и она не задумываясь ответила:

– Конечно, Том – за это ему от папы и достается.

С Томом отец был суров и то и дело к нему придирался. Он использовал против него маму так же, как против нее – свою трубку. «Не смей так разговаривать с матерью», – говорил он. Или: «Сядь прямо, когда мать с тобой разговаривает». Она молчала, но, если после этого папа выходил из комнаты, тут же улыбалась Тому или приглаживала ему волосы.

Теперь Том, стоя в дверях, смотрел, как мы волочим мешки по полу, укладывая их вдоль стены в два ровных ряда. Врачи запретили отцу после сердечного приступа таскать тяжести, но я все-таки следил, чтобы он поднимал не меньше меня. Когда мы наклонились и взяли за углы мешка, было видно, что он медлит, выжидая, когда я взвалю на себя всю тяжесть. Но я сказал: «Раз, два, взяли!» – и приподнял свой край, лишь когда почувствовал, как напряглась его рука. Если хочет, чтобы я делал больше, думал я, пусть скажет это вслух. Закончив, мы выпрямились и оглядели свою работу. Отец оперся рукой о стену, грудь его тяжело вздымалась. Я, стоя в небрежной позе, старался дышать через нос так легко, как только мог, хотя от этого у меня и кружилась голова.

– Зачем они нам? – Теперь я чувствовал, что имею право задать этот вопрос.

– Для сада, – тяжело выдохнул отец.

Я ждал, может быть, он добавит еще что-то, но, помолчав, отец двинулся прочь. У дверей поймал за руку Тома.

– Посмотри на свои руки! – рявкнул он, не замечая, что сам грязной ладонью испачкал ему рубашку. – Ну-ка быстро наверх!

Я задержался, чтобы выключить свет. Услышав (по крайней мере, так мне показалось) щелчки выключателей, отец остановился у лестницы и желчным тоном напомнил, чтобы я потушил все лампы, прежде чем идти наверх.

– Уже потушил! – огрызнулся я. Но он меня не слышал: надрывно кашляя, он поднимался по лестнице.

Свой садик отец не столько растил, сколько усовершенствовал – в соответствии с чертежами, которые время от времени по вечерам раскладывал на кухонном столе, позволяя нам заглянуть ему через плечо. Здесь были узкие, мощенные булыжником дорожки; огибая клумбы, они выписывали удивительные кренделя, расположенные всего в нескольких футах друг от друга. Одна дорожка поднималась на каменную горку спиралью, словно горная тропа. Однажды, увидев, как Том лезет на горку напрямик, карабкаясь по изгибам дорожки, словно по лестничным ступеням, отец прямо взбесился.

– А ну-ка поднимайся как следует! – гаркнул он, высунувшись из кухонного окна.

Была здесь лужайка размером с карточный столик, приподнятая на пару футов над кучей камней. По краю лужайки как раз оставалось место для одного ряда ноготков. Отец упорно называл это висячим садом. В самом его центре располагалась гипсовая статуя танцующего Пана. То тут, то там внезапно возникали лесенки и уступы, ведущие то вверх, то вниз. Был здесь и прудик с голубым пластмассовым дном. Однажды отец принес домой в пакете двух золотых рыбок. В тот же день их склевали птицы. На узких дорожках немудрено было потерять равновесие и свалиться прямо в клумбу. Цветы отец подбирал по компактности и симметричности. Больше всего ему нравились тюльпаны: ими он засадил весь сад. Ни кустов, ни роз, ни плюща отец не любил. Вообще здесь не было ничего выющегося.

Дома по обе стороны от нашего стояли пустыми, и летом неухоженные сады буйно зарастали цветущими сорняками. Еще до того как случился первый сердечный приступ, отец мечтал оградить свой мирок высокой стеной.

...В семье было несколько постоянных шуток, придуманных и поддерживаемых отцом. Над почти невидимыми бровями и ресницами Сью, над мечтами Джули о спортивной карьере, над тем, что Том до сих пор иногда писается в постель, над тем, что мама нетверда в устном счете, над угрями, которые как раз в то время расцвели на моей физиономии... Однажды за ужином я передавал отцу тарелку, а он сказал: «Только, пожалуйста, не подноси мою еду слишком близко к лицу». Грянул быстрый традиционный смех. Я не мог нанести ответный удар: в нашем доме шутки придумывал только папа. И вряд ли ему захочется смеяться над самим собой.

Тем вечером мы с Джули заперлись в ее спальне и принялись заполнять тетрадь вымышленными жестокими остротами. О чем бы мы ни вспомнили, все казалось нам невероятно смешным. Мы падали с кровати на пол, хватались за животы, визжали от восторга. Снаружи Том и Сью барабанили в дверь, требуя, чтобы их пустили. Больше всего нам нравились шутки типа «вопрос – ответ». В нескольких речь шла о том, что папа любит подолгу сидеть в туалете.

Но главной мишенью стал сад. Мы выбрали самую лучшую, отполировали ее и хорошенько отрепетировали. Выждали день или два. Снова был ужин, и снова отца угораздило что-то брякнуть о моих прыщах. Мы подождали, пока отсмеются Том и Сью. Сердце у меня билось так сильно, что трудно было выдерживать непринужденный разговорный тон, который мы так тщательно отработывали.

– Знаешь, – сказал я, – сегодня в саду я видел кое-что удивительное.

– Да? И что же это?

– Цветок.

Казалось, никто нас не услышал. Том о чем-то болтал сам с собой, мама подливала молока в чай, папа с необычайной сосредоточенностью намазывал масло на хлеб. Когда масло свесилось над краем куска, он подхватил его быстрым скользящим движением ножа. Может быть, надо повторить еще раз, погромче, подумал я и взглянул на Джули. Она не поднимала глаз. Папа съел бутерброд и вышел.

– Напрасно вы это, – сказала мама.

– Что?

Но больше она не произнесла ни слова. Выходит, что над папой шутить нельзя – получается совсем невесело. Он обиделся. Я отчаянно пытался этому порадоваться, но чувствовал себя виноватым. Старался убедить в нашей победе Джули, надеясь, что она в ответ убедит меня.

В тот же вечер мы зазвали к себе Сью, но игра шла вяло. Сью стало скучно, и она ушла спать. Джули решила все-таки извиниться перед отцом или как-нибудь загладить вину. Я на это согласиться не мог, но, когда два дня спустя он наконец со мной заговорил, ощутил огромное облегчение. О садике мы не упоминали еще долго, очень долго, и свои чертежи отец изучал на кухне в одиночестве. А после того как случился первый сердечный приступ, и вовсе перестал

заниматься садом. Сквозь трещины в камнях пробились сорняки, часть каменной горки обрушилась, высох пруд. Танцующий Пан упал и раскололся надвое, но и тогда никто не сказал ни слова. Мысль о нашей с Джули невольной причастности к этому разрушению наполняла меня ужасом и восторгом.

Вслед за цементом появился песок. Бледно-желтая гора заполнила угол сада перед домом. Кто-то, должно быть мать, обмолвился, что отец намерен забетонировать все пространство вокруг дома и спереди и сзади. А однажды вечером он и сам это подтвердил.

– Так чище будет, – сказал он. – Следить за садом я теперь не могу (он постучал трубкой по левой стороне груди), а вашей матери не придется каждый божий день мыть полы.

Он был так убежден в разумности своей идеи, что никто ни словом ему не возразил – не из страха, скорее от неловкости. Впрочем, идея бетонной площадки вокруг дома мне нравилась. Будет хотя бы где играть в футбол. Я представлял, как перед домом приземляются вертолеты. И прежде всего в самой мысли о том, чтобы замешать бетон и раскидать его по разровненному саду, была какая-то жестокая притягательность. Особенно я воодушевился, когда отец сказал, что возьмет напрокат бетономешалку.

Видимо, мать его отговорила, потому что однажды июньским субботним утром мы принялись за работу с двумя лопатами. В подвале мы вскрыли один из бумажных мешков и наполнили цинковое ведро светло-серым порошком. Отец вышел наружу, чтобы я подал ему ведро, а я просунул его сквозь угольную яму. Он наклонился ко мне – темный силуэт на фоне невыразительного бледного неба. Порошок он высыпал на дорожку и вернул мне ведро, чтобы я снова его наполнил. Когда отец решил, что цемента хватит, я прикатил с другой стороны дома тачку песка и высыпал ее сюда же. Для начала он собирался сделать бетонированную дорожку, чтобы легко было возить вокруг дома песок. Мы работали молча, если не считать его редких и сухих приказаний. Мне нравилось, что не нужно ничего говорить – так хорошо мы оба знаем, что делать, и понимаем друг друга. В эти минуты мне было с ним легко. Я налил в ведро воды, а он тем временем разровнял песок и цемент, превратив их в правильную горку с ямкой на вершине. Потом я смешивал бетон, а он подливал воды. Он показал мне, как действовать плечом и коленом, словно дополнительным рычагом. Я сделал вид, будто и так знал. Когда смесь схватилась, мы разбросали ее по дорожке. Затем отец опустился на колени и принялся разравнивать зацементированную поверхность плоской стороной короткой обшивочной доски. Я стоял позади него, опираясь на лопату. Он встал, ухватился за забор и прикрыл глаза. Потом открыл их, поморгал, словно не очень понимал, где находится, и сказал:

– Ладно, поехали дальше.

И опять все сначала: передать ведра через угольную яму, прикатить тачку с песком, налить воды, смешать, разбросать, разровнять.

На четвертый раз движения мои замедлились от скуки и знакомых желаний. Я начал часто зевать и ощутил слабость в ногах. Интересно, где сестры? Почему они нам не помогают? Я передал отцу ведро, а затем, обращаясь к его силуэту, объявил, что мне нужно в туалет. Он вздохнул и нетерпеливо пощелкал языком. Снова оказавшись в подвале, я запустил руку в трусы. Понимая, что он ждет наверху, я принялся торопливо дрочить. Представлял, как обычно, загорелые пальцы Джули между ног Сю. Снизу донесся скрежет лопаты. Отец смешивал цемент сам.

И вдруг это случилось – появилось внезапно на тыльной стороне моего запястья. Разумеется, я знал, что это такое, из анекдотов и школьных учебников биологии, знал и ждал этого уже много месяцев, надеясь, что я такой же, как все остальные, – и все равно был потрясен до глубины души. На мягких волосинках руки, поперек серого цементного пятна, блестело несколько капель жидкости – не молочной, как я предполагал, а бесцветной. Я попробовал ее на вкус и никакого вкуса не ощутил. Очень долго я рассматривал ее, поднеся к глазам так близко, словно надеялся разглядеть живчиков с извивающимися длинными хвостиками. Пока

я рассматривал, жидкость засохла, превратилась в едва видную блестящую корочку, треснувшую, когда я согнул руку. Я решил ее не смывать.

Тут я вспомнил, что отец ждет, и поспешил вниз. Мать, Джули и Сью о чем-то разговаривали на кухне. Я пробежал мимо, они меня, кажется, не заметили. Отец лежал на земле лицом вниз, уткнувшись головой в только что выровненный бетон. Его рука сжимала доску. Я хорошо понимал, что должен бежать за помощью. Но поначалу несколько секунд вообще не мог двинуться с места. Только смотрел – изумленно, совсем как несколько минут назад. Край рубашки отца выбился из брюк, им слегка играл ветерок.

...Потом поднялись шум и суета. Приехала «скорая помощь», санитары уложили отца на носилки, укрыли красным одеялом и увезли. Вместе с ними уехала и мать. В гостиной рыдала Сью, а Джули ее успокаивала. На кухне играло радио. Когда «скорая помощь» уехала, я вышел из дома взглянуть на нашу дорожку. Ни о чем особенном не думая, взял доску и аккуратно заровнял отпечаток его лица на свежем, мягком бетоне.

2

Весь следующий год Джули тренировалась в школьной спортивной команде. Она уже выиграла золотые медали на местных соревнованиях по бегу на сто и двести двадцать ярдов среди подростков. Бегала Джули быстрее всех, кого я знал. Папа не принимал ее увлечение всерьез – говорил, ни к чему девушке быстро бегать, и незадолго до своей смерти отказался пойти с нами на соревнования. Мы приставали к нему и так и этак – даже мама к нам присоединилась. А он только смеялся над нашим негодованием. Быть может, на самом деле он был не прочь пойти, просто хотел, чтобы мы его поугovarивали, но мы надулись и оставили его в покое.

А в самый день соревнований никто не пригласил его пойти с нами, и он просто забыл. И так и не увидел в последний месяц своей жизни, как его старшая дочь становится чемпионкой. Не видел, с какой стремительностью, словно лопасти винта, мелькали на фоне зелени ее стройные загорелые ноги, не видел, как на финише третьего забега мы с Томом, мамой и Сью бросились к финишной ленте, чтобы расцеловать победительницу.

По вечерам она часто оставалась дома, чтобы вымыть голову и отгладить все складки на темно-синей школьной юбке. Джули была из тех немногих смелых девчонок, которые надевали под школьную форму накрахмаленные белые подъюбочники, чтобы форменная юбка разлеталась колоколом, стоит повернуться на каблуках. Еще она носила чулки и черные рейтузы, что было строго запрещено. И чистую белую блузку – все пять дней в неделю. А волосы иногда собирала на затылке, подвязав сияющей белоснежной лентой. Все это требовало серьезных ежевечерних приготовлений. Я любил сидеть рядом и смотреть, как она гладит, хоть ее это и раздражало.

В школе она гуляла то с тем, то с другим мальчиком, но по-настоящему ни с кем не сближалась. В семье у нас было негласное правило: друзей в дом не приводить. У нее были подруги – все известные бунтарки. Порой я видел ее в школе, в дальнем конце коридора, окруженную щебечущей девичьей стайкой. Но сама Джули всегда оставалась невозмутима: она правила своим кланом и поддерживала свою репутацию, пользуясь пугающим, презрительным спокойствием. Я, как брат Джули, тоже обладал в школе некоторым статусом, но на людях она со мной не разговаривала и как будто не замечала.

Примерно в то же время на моей физиономии столь прочно утвердились прыщи, что я забросил все правила личной гигиены: не умывался, не мыл голову, перестал стричь ногти и принимать ванну. Даже зубы не чистил. Мать снова и снова ласково, в своей обычной манере, меня упрекала, но я не слушал ее и очень этим гордился. Если я людям нравлюсь, возражал я, пусть принимают меня таким, какой я есть. С утра мать тихонько заходила ко мне в комнату и меняла грязную одежду на чистую. По выходным я валялся в постели до полудня, а затем отправлялся в долгие одинокие прогулки. По вечерам смотрел, как Джули гладит свою одежду, слушал радио или просто сидел без дела. Друзей у меня в школе не было.

Я останавливался у каждого зеркала и разглядывал себя порой по часу. Однажды утром, незадолго до своего пятнадцатого дня рождения, отыскивая в огромном полутемном холле ботинки, я вдруг заметил свое отражение в высоком, в полный рост, зеркале, стоявшем у стены. Это зеркало отец все собирался прибить к стене, да так и не собрался. Свет, падавший сквозь витраж над дверью, окрасил мои соломенные лохмы в разные цвета. Желтоватая полутьма скрыла прыщи и угри. В зеркале я казался себе необыкновенным, каким-то величественным. Я смотрел на свое отражение, пока не почувствовал, что оно будто отделяется от меня, начинает жить самостоятельной жизнью, парализует меня своим взглядом. С каждым ударом сердца оно словно отступало в полумрак, голову и плечи его окружал темный ореол.

– Круто, – сказала оно мне. – Круто! – И затем погромче: – Дерьмо... говно... жопа...

...Из кухни донесся голос матери, усталый и просительный: она звала меня завтракать.

Я взял из вазы с фруктами яблоко и пошел на кухню. Помедлил в дверях, окинув взглядом завтракавших родных и подбрасывая яблоко в руке, – оно подлетало в воздух и со звучными шлепками падало на ладонь. Джули и Сью ели, уткнувшись в учебники. Мать, измученная еще одной ночью без сна, ничего не ела. Запавшие глаза ее казались водянистыми. Том, повизгивая от нетерпения, пытался придвинуть свой стул поближе к ней. Он хотел сесть к ней на колени, но в последнее время мать стала жаловаться, что он для нее слишком тяжел. Она сама придвинулась к нему и погладила его по голове.

Интересно, пойдет ли сегодня со мной Джули? Раньше мы каждое утро выходили из дома вместе, но теперь она старалась на людях со мной не появляться. Я продолжал подбрасывать яблоко, воображая, что всех очень смущаю. Мать подняла голову и смотрела прямо на меня.

– Пойдем, Джули, – произнес я наконец.

Джули подлила себе чаю.

– Мне еще нужно кое-что сделать, – твердо ответила она. – А ты иди.

– А ты, Сью?

– Я попозже, – не отрываясь от книги, пробормотала младшая сестра.

Мать мягко напомнила, что я не позавтракал, но я уже мчался через холл. Хлопнул со всей силой входной дверью и выскочил на дорогу.

Наш дом когда-то стоял на улице среди таких же обжитых домов. Но теперь квартал превратился в пустырь, на котором сквозь проржавевший мусор пробивалась жгучая крапива. Другие дома снесли, чтобы строить здесь шоссе, которое так и не построили. Порой ребята из многоэтажек приходили на пустырь поиграть, но обычно они шли к заброшенным блочным домам чуть дальше по дороге, где можно было ползать по опустевшим квартирам и найти что-нибудь интересное. Один дом они как-то раз подожгли – и, кажется, никто этого не заметил. Наш дом отличался от других – старый и большой, немного похожий на замок, с толстыми стенами, низкими окнами и зубчатой каймой над входной дверью, всем своим обликом напоминавший угрюмого, задумавшегося человека.

Никто никогда к нам не приходил. Ни у матери, ни у отца, когда он был жив, друзей не было. Все наши дедушки и бабушки давно умерли. У матери были какие-то дальние родственники в Ирландии, но она много лет их не видела. Пара друзей была у Тома. Иногда он играл с ними на улице, но приводить их в дом мы не разрешали. Даже молочник по нашей дороге не ездил. Насколько мне помнится, последними нашими «гостями» были санитары «скорой помощи», которые увезли отца.

Я перешел через дорогу и постоял несколько минут, размышляя, не вернуться и не извиниться ли перед матерью. Уже готов был повернуть назад, но в этот миг дверь отворилась и на улицу выскользнула Джули в черном габардиновом пальто с туго затянутым поясом и поднятым воротником. Она быстро повернулась, чтобы поймать дверь, прежде чем та хлопнет, – пальто, верхняя и нижняя юбки, как им и полагалось, взметнулись вокруг ее ног. Меня она пока не видела. Я смотрел, как она закидывает на плечо рюкзачок. Джули умела бегать быстрее ветра, но ходила словно во сне – убийственно медленно, выпрямив спину, всегда по прямой. Часто казалось, что она погружена в глубокую задумчивость, но, если спросить, начинала уверять, что вовсе ни о чем не думала.

Меня она не видела, пока не перешла через дорогу, а увидев, полуулыбнулась, слегка надула губы и не сказала ни слова. От ее молчаливости мне всегда было не по себе, но стоило сказать ей об этом – она смеялась и звонким музыкальным голосом уверяла, что, наоборот, это она всех боится. И верно, Джули на самом деле была робкой, ходили слухи, что всякий раз, отвечая в классе, она заливается краской. Однако была в ней какая-то спокойная сила и отстраненность, она жила в ином, отдельном от нас мире – мире прекрасных людей, знающих, что они прекрасны.

Я шел рядом с ней, она молчала, сжав губы и глядя вперед, выпрямив спину, словно по линейке. Ярдов через сто наша дорога впадала в другую улицу. Здесь осталось несколько домов с верандами. Остальные, как и все дома на соседней улице, снесли, чтобы выстроить четыре двадцатипятиэтажных великана. Многоэтажки стояли на растрескавшемся асфальте, сквозь который пробивались сорняки. Выглядели они еще старше и угрюмее, чем наш дом. Бетонные стены сплошь покрыты почти черными пятнами сырости, которые никогда не высыхали. Когда мы с Джули дошли до конца нашей дороги, я схватил ее за руку и сказал:

– Эй, мисс, берегите рюкзак!

Джули вырвала руку и все так же молча пошла дальше. Я вприпрыжку забежал вперед и преградил ей дорогу. Ее молчание усиливало мою неуверенность.

– Кошелек или жизнь!

Джули прикрыла глаза и, не ответив, двинулась дальше.

– Что такое? – перестав дурачиться, спросил я нормальным голосом.

– Ничего.

– Ты сердишься?

– Да.

– На меня?

– Да.

Я на миг запнулся, а Джули уже отделилась от меня, поглощенная какими-то своими мыслями.

– Из-за мамы? – спросил я.

Мы шли сейчас мимо первой многоэтажки. В холле – мы видели через окно – собралась у лифта компания ребят не из нашей школы. Они стояли молча, прислонившись к стенам: должно быть, ждали кого-то.

– Тогда я вернусь, – сказал я и остановился.

Джули пожала плечами и нетерпеливо махнула рукой, показывая, что ждать меня не будет.

На обратном пути я встретил Сью. Она шла, уткнувшись в книгу, школьный рюкзачок аккуратно висел за спиной. Чуть поодаль шагал Том. По лицу его было видно, что из дому он вышел обиженным.

Со Сью мне было легче. Она на два года меня моложе, и если у нее и были свои секреты, меня они не пугали. Однажды я увидел у нее в спальне лосьон для выведения веснушек. Лицо у Сью было вытянутое, с тонкими чертами, прямые волосы, высокий лоб, бесцветные губы, небольшие, как будто вечно усталые глаза в окружении бледных, почти невидимых ресниц. Порой она в самом деле напоминала девочку-инопланетянку. Мы не остановились, но, когда я проходил мимо, Сью подняла глаза от книги и сказала:

– Ты опоздаешь.

– Забыл кое-что, – пробормотал я.

Том, погруженный в собственные мрачные мысли, меня не заметил. Сообразив, что Сью взяла его с собой, чтобы избавить маму от необходимости вести его в школу, я почувствовал себя виноватым и зашагал быстрее.

Обойдя дом, я увидел в окне кухни мать. Окруженная четырьмя пустыми стульями, она сидела за столом, заставленным грязной посудой. Прямо перед ней стояла моя нетронутая тарелка с овсянкой. Одна рука лежала на коленях, другой она оперлась о стол так, словно хотела положить на нее голову, да забыла. Рядом с рукой – плоская черная коробочка с таблетками. В лице ее смешались черты Джули и Сью. Гладкая кожа, высокие скулы. Каждое утро она рисовала у себя на губах идеальную дугу ярко-красного цвета. Но глаза ее, утопленные в темной, испещренной морщинками коже, запали так глубоко, что, казалось, она смотрит на мир из какого-то темного колодца. Густые темные кудрявые волосы она стягивала в узел на

затылке. Иногда по утрам я находил в унитазе прядь ее волос и всегда смывал ее, прежде чем сделать свои дела. Вот она встала и, повернувшись ко мне спиной, принялась убирать со стола.

Однажды, когда мне было восемь лет, я прогулял школу, прикинувшись больным. Мать не стала меня разоблачать. Она переодела меня в пижаму, уложила на диван в гостиной и укрыла одеялом. Мать прекрасно понимала, что я хочу побыть с ней наедине, пока отца и сестер нет дома. Может быть, ей и самой было одиноко. Я пролежал в постели до вечера, наблюдая за тем, как она делает разные домашние дела, а когда она выходила из гостиной, внимательно слушал. Меня поразили очевидный факт ее независимого существования. Она продолжала жить, даже когда я уходил в школу. Что-то делала. Вообще все было так, как обычно бывает без меня. Это меня поразило, но тогда в этом осознании не было боли. Теперь же, когда я увидел, как она, согнувшись, сметает яичную скорлупу со стола в мусорное ведро, та же простая мысль принесла с собой страх в невыносимом сочетании с чувством вины. Она – не моя выдумка, с которой можно поиграть и бросить.

Потянувшись за пустой бутылкой молока, она вдруг повернулась к окну. Я поспешно отступил и бросился бежать. Позади открылась дверь черного хода, я услышал свое имя, даже увидел краем глаза, как она выходит из-за угла. Она снова позвала меня, но я уже выбежал на улицу. Всю дорогу я бежал бегом, и мне казалось, что вслед летит ее голос:

– Джек! Джек!

Сью я нагнал у самых школьных ворот.

3

Я понимал, что уже утро, что мне просто снится кошмар. Стоит постараться – и я проснусь. Я попробовал пошевелить ногами, почесать одну ступню другой. Любое, самое слабое движение вырвало бы меня из сна. Во сне за мной гнались какие-то люди, которых я не мог разглядеть. В руках они держали ящик и требовали, чтобы я в него заглянул, но я бежал со всех ног. На мгновение остановившись, я попытался снова пошевелить ногами или открыть глаза. Но кто-то уже шел ко мне с ящиком. Времени не оставалось, нужно было бежать. И вот мы столкнулись лицом к лицу. В деревянном ящике с крышкой на петлях, должно быть, когда-то хранились дорогие сигары. Крышка приоткрыта на дюйм или два, внутри темно. Я снова бросился бежать, стараясь выиграть время. На этот раз мне удалось открыть глаза. Прежде чем они снова закрылись, я разглядел свою спальню, школьную рубашку на стуле, перевернутый башмак на полу. И снова передо мной оказался ящик. Теперь я знал: в нем какой-то зверек, зловредный и страшно вонючий, и он хочет оттуда выбраться. Я напряг силы, чтобы закричать, надеясь проснуться от звука собственного голоса. Но с губ не слетело ни звука – да что там, я и губами-то шевельнуть не мог. Повернуться и пуститься наутек тоже не получалось: я бегал всю ночь, а теперь настало время все-таки взглянуть внутрь. С невероятным облегчением я услышал звук открывшейся двери и шаги в спальне. Кто-то присел на край моей постели, и теперь я наконец сумел открыть глаза.

Рядом сидела мать, опершись о кровать по другую сторону от меня, так что я оказался словно бы у нее в плену. На будильнике – половина девятого, я уже опаздывал в школу. Мать, должно быть, встала еще часа два назад. От нее пахло знакомым ярко-розовым мылом.

– Думаю, нам с тобой надо поговорить, – сказала она.

И с этими словами закинула ногу на ногу и сложила руки на коленях. Сидела она очень прямо, как Джули. Я чувствовал себя лежа в невыгодном положении и попытался сесть.

– Полежи спокойно одну минуту, – сказала она.

– Я опоздаю! – возразил я.

– Хотя бы секунду полежи спокойно, – повторила она, подчеркнув голосом слово «секунду», – мне нужно с тобой поговорить.

Я лежу, глядя в потолок. Сердце у меня колотится как сумасшедшее, в глазах еще стоят картины из сна.

– Посмотри на меня, – говорит она. – Я хочу взглянуть тебе в глаза.

Я поворачиваюсь к ней. Обеспокоенным взглядом она ощупывает мое лицо, в ее зрачках я вижу собственное искаженное отражение.

– Ты в последнее время в зеркало на себя смотрел? – спрашивает она.

– Нет, – лгу я.

– Знаешь, как у тебя зрачки расширены? – Я мотаю головой. – И мешки под глазами – даже сейчас, когда ты только что проснулся.

Она замолчала. Снизу слышится звяканье ложек – остальные завтракают.

– Знаешь, отчего все это?

Я снова мотаю головой. Она делает паузу, словно собирается с духом, затем наклоняется ко мне и говорит:

– Ты ведь понимаешь, о чем я?

Сердце у меня колотится так, что стук отдается в ушах.

– Не понимаю, – отвечаю я.

– Мальчик мой, все ты понимаешь. Я же вижу, ты понял, о чем я говорю.

Мне остается только смятенно молчать. Суровость ей совсем не идет: в ее голосе появляются неестественные, актерские интонации. Но видимо, иначе говорить на эту сложную тему она не может.

– Не думай, что я не понимаю, что происходит. Ты сейчас растешь, становишься женщиной, и я очень горжусь, что ты... есть вещи, о которых отец рассказал бы тебе, если бы он был жив... – Оба мы отводим глаза, зная, что это неправда. – Взрослеть нелегко. Но если ты будешь продолжать это делать, то нанесешь большой вред себе, своему растущему организму.

– Вред? – эхом повторяю я.

– Да. Ты только посмотри на себя, – продолжает она уже мягче. – По утрам еле-еле встаешь, весь день вялый, раздражительный, не моешься, не меняешь одежду, грубишь сестрам и мне. И мы оба знаем почему. Каждый раз, когда... – Тут она колеблется и снова устремляет взгляд на свои сложенные на коленях руки. – Каждый раз, когда ты... это делаешь, требуется две пинты крови, чтобы это восполнить. – И снова смотрит на меня смущенно и сердито.

– Крови... – повторяю я.

Она наклоняется и легко целует меня в щеку.

– Ты ведь не против того, что я с тобой об этом поговорила?

– Нет-нет, – отвечаю я.

Она встает.

– Когда-нибудь, когда тебе исполнится двадцать один год, ты вспомнишь этот разговор и будешь благодарен мне за то, что я тебе это сказала.

Я киваю. С внезапной лаской она ерошит мне волосы и быстро выходит.

Мы с сестрами больше не играли в постели Джули. Игры прекратились вскоре после смерти папы, но не его смерть была этому причиной – просто Сью начала стесняться. Может быть, узнала что-то в школе и начала стыдиться того, что мы с ней делали. Не знаю точно – мы никогда об этом не говорили. Да и Джули как-то отдалилась от нас. Она теперь красилась, у нее появились всевозможные секреты. Как-то раз в школе, на большой перемене, я был поражен до глубины души, услышав, как она называет меня своим братишкой. Она вела с мамой долгие беседы на кухне: стоило войти Тому, Сью или мне, обе замолкали. Как и мать, Джули делала мне замечания по поводу внешнего вида – только ее обращение не отличалось материнской мягкостью.

– От тебя воняет, – говорила она мне всякий раз, когда мы ссорились. – Жутко воняет. Ты вообще когда-нибудь меняешь носки?

Такого я стерпеть не мог!

– Да пошла ты! – шипел я и хватал ее за коленки с твердым намерением защекотать до смерти.

– Мама! – визжала она. – Мама, скажи Джеку!..

И откуда-нибудь из соседней комнаты доносился усталый голос матери:

– Джек!

В последний раз я щекотал Джули, дождавшись, пока мама ушла к врачу. Натянул пару огромных и грязных садовых перчаток, которые после отца никто не носил, и пошел к Джули в спальню. Она сидела у стола, за которым обычно делала уроки. Я остановился в дверях, спрятав руки за спину.

– Чего тебе? – с отвращением спросила она. Мы только что поругались.

– Сейчас до тебя доберусь! – грозно сообщил я и простер к ней огромные руки с растопыренными пальцами.

От одного вида перчаток Джули лишилась сил. Попыталась было встать, но рухнула обратно на стул.

– Только попробуй! – стонала она сквозь смех. – Только попробуй!

Страшные лапищи придвигались все ближе.

– Не надо... не надо... – вопила Джули, извиваясь на стуле.

– Пришел твой час! – сообщил я замогильным голосом и, схватив ее за плечо, опрокинул на кровать. Она лежала, задрав колени, прикрывая руками горло, не в силах отвести взгляд от нависших над ней огромных лап.

– Убирайтесь от меня! – прошептала она. Мне тогда показалось очень смешным, что она обращается не ко мне, а к перчаткам.

– Они пришли за тобой, – проговорил я, приближая к ней руки еще на несколько дюймов. – Но никто не знает, куда они нанесут первый удар!

Она пыталась ухватить меня за запястья, но я проскользнул у нее под руками и крепко схватил ее под мышками. Джули визжала, хохотала, извиваясь и хватая ртом воздух, хохотал и я, в возбуждении от собственной силы. Но вот в ее беспорядочных движениях появилась паника. Она не могла вдохнуть. Пыталась сказать «пожалуйста», но я был так возбужден, что не мог остановиться. Воздух выходил из ее легких с каким-то птичьим писком. Одной рукой она вцепилась в грубую шерсть перчатки. Придвинувшись ближе, чтобы перехватить ее поудобнее, я вдруг ощутил, как по моим ногам течет что-то горячее. В испуге я вскочил с постели и сдернул перчатки. Джули уже не смеялась – только тихо, устало всхлипывала. Она лежала на спине, слезы текли по ее вискам и скрывались в волосах. В комнате слабо пахло мочой. Я подобрал с пола перчатки. Джули повернула голову.

– Уходи, – сказала она каким-то безжизненным голосом.

– Прости, – сказал я.

– Уходи.

В дверях торчали Том и Сью.

– Что у вас случилось? – спросила Сью.

– Ничего, – ответил я и очень тихо прикрыл за собой дверь.

Между тем мама начала ложиться спать все раньше и раньше. Она говорила, что ее все время клонит в сон.

– Несколько ночей отосплюсь, – говорила она, – и снова стану такой, как раньше.

Теперь за ужин и укладывание в постель отвечала Джули. Мы со Сью в гостиной слушали радио. Вошла Джули и выключила приемник.

– Иди-ка вынеси ведро, – сказала она мне, – и выставь перед домом мусорные ящики.

– Эй, я же слушал! – запротестовал я и потянулся к ручке приемника.

Джули молча накрыла ее рукой. Я еще слишком хорошо помнил свое нападение на нее и чувствовал себя виноватым, так что сопротивляться не стал. Как всегда поворчав, я отправился выносить мусор. Когда вернулся, Сью на кухне чистила картошку. Позже, когда мы сели ужинать, вместо обычной возни и болтовни за столом воцарилось напряженное молчание. Я покосился на Сью, и она, поймав мой взгляд, хихикнула. Джули даже не взглянула на нас, вместо этого начала что-то тихо говорить Тому. Когда она вышла, чтобы отнести поднос с едой наверх, мы со Сью принялись, хихикая, пинать друг друга под столом, но затихли, едва услышали, что она возвращается.

Тому не нравились вечера без матери. Джули заставляла его съедать все, что лежит на тарелке, ни ползать под столом, ни фыркать в чашку ему не разрешалось. Но больше всего его злило то, что Джули не разрешает заходить в спальню к маме, когда та спит. Ему хотелось забраться к ней в постель прямо в одежде. Джули поймала его за руку на лестнице.

– Не сейчас, – мягко сказала она. – Мама спит.

Том поднял страшный вой, но не сопротивлялся, когда Джули утащила его обратно на кухню. Он тоже ее побаивался. Она вдруг как-то изменилась, стала совсем взрослой. Мне все хотелось сказать ей: «Да ладно, Джули, хватит прикидываться. Мы-то знаем, какая ты на самом деле». Я все смотрел на нее, но она, занятая своими делами, почти не поднимала на меня глаз.

С матерью я старался не оставаться наедине, опасаясь, что она снова со мной заговорит. Из школьных уроков я знал, что все это неправда. Но теперь всякий раз, когда я запирался в ванной (это случалось раз или два в день), мне представлялись две молочные бутылки, полные крови, с крышечками из серебристой фольги.

Со Сью я общался больше. Кажется, она относилась ко мне с симпатией – по крайней мере, не цеплялась. Большую часть времени она проводила дома, в спальне, за книгой и не возражала, когда я валялся рядом. Читала она романы о девочках своего возраста, лет тринадцати-четырнадцати, и об их приключениях в школах-интернатах. В местной библиотеке она брала большие книги с яркими картинками о динозаврах, вулканах и тропических рыбах. Порой я листал их, разглядывал картинки. Содержание меня не интересовало. Изображения динозавров казались мне подозрительными. Никто ведь не знает, как эти динозавры выглядели на самом деле, сказал я Сью. Она стала рассказывать о доисторических скелетах и работе палеонтологов. Мы поспорили несколько часов. Сью знала гораздо больше, но я твердо решил не позволить ей одержать верх. Наконец мы устали, спорить наскучило, мы надулись и разошлись.

Но чаще всего мы болтали, как двое заговорщиков, о наших родных и знакомых, тщательно обсуждая детали их внешности и поведения, стараясь понять, какие они на самом деле. Говорили и о болезни матери. Сью слышала, как мама сказала Джули, что снова меняет врача.

Оба мы соглашались, что наша старшая сестра в последнее время слишком уж задается. Я как-то не воспринимал Сью как девочку. Она была совсем не похожа на Джули – просто сестра, близкий человек. Однажды, когда долгим воскресным вечером мы разговаривали о родителях, Джули вошла в комнату. Я как раз говорил о том, что на самом деле они друг друга терпеть не могли и мама только обрадовалась, когда папа умер. Джули села на кровать рядом со Сью, скрестила ноги и зевнула. Я кашлянул и умолк.

– Ну, продолжай, – сказала Джули, – очень интересно.

– Да нет, я ничего, – сказал я.

– Угу, – ответила Джули. Она опустила глаза и слегка покраснела.

Теперь кашлянула Сью. Все мы молчали и ждали.

– Я просто говорил, что, мне кажется, мама не очень любила папу, – произнес я наконец, чувствуя себя очень глупо.

– Правда? – насмешливо спросила Джули. Видно было, что она злится.

– Не знаю, – промямлил я. – Может, ты знаешь?

– А мне откуда знать?

Снова долгое молчание, наконец Сью осмелилась сказать:

– Потому что ты с ней разговариваешь больше, чем мы.

Гнев Джули всегда выражался в презрительном молчании. Вот и сейчас она молча встала, подошла к дверям и только тогда сказала негромко:

– Это потому, что у вас обоих с ней нет ничего общего.

Еще помолчала у двери в ожидании ответа и вышла, оставив после себя легкий аромат духов.

На следующий день, после школы, я подошел к матери и сказал, что могу сходить с ней вместе в магазин.

– Я не буду покупать ничего тяжелого, – ответила она. Она стояла в холле, завязывала перед зеркалом шарф.

– Просто хочу пройтись, – пробормотал я.

Несколько минут мы шли молча, затем она взяла меня под руку и сказала:

– Скоро твой день рождения.

– Ага, очень скоро, – ответил я.

– Хочешь, чтобы тебе поскорее исполнилось пятнадцать?

– Не знаю, – промямлил я.

В аптеке мы ждали, пока аптекарь приготовит для матери микстуру, и я спросил, что сказал ей доктор. Мать рассматривала мыло в блестящей подарочной обертке; услышав мой вопрос, она положила мыло и весело улыбнулась:

– Да все они говорят одно и то же. Ерунду всякую. Сколько я уже их поменяла. – Она кивнула в сторону прилавка: – Я принимаю таблетки, и они помогают.

Мне сразу стало легче, и я предложил понести пакет с коричневым полным пузырьком. На обратном пути мама сказала, что мой день рождения надо отпраздновать – может быть, я хочу пригласить кого-нибудь из школы?

– Не надо, – быстро ответил я. – Пусть будут только свои.

Всю дорогу до дома мы строили планы праздника, и оба радовались, что наконец нашли о чем поговорить. Мать вспоминала вечеринку по случаю десятого дня рождения Джули. Я тоже это помнил – мне тогда было восемь. Джули горько рыдала, потому что кто-то сказал ей, что после десяти лет дни рождения не празднуют. Мы все потом долго над ней подшучивали.

Ни мать, ни я не упоминали о том, что этот праздник – как и все прочие праздники – нам испортил отец. Ему нравилось, когда дети ходят по струнке, сидят прямо, разговаривают тихо и вежливо – словом, соблюдают установленные им правила игры. Шум, беспорядок, бесцельная беготня выводили его из себя. Не было такого дня рождения, на котором он бы на кого-нибудь не срывался. Когда Сью исполнилось восемь, он наорал на нее и пытался отправить спать за то, что она бегала вокруг стола. Вмешалась мама – и больше мы ничьи дни рождения не праздновали. А у Тома и вовсе ни одного настоящего дня рождения не было.

Дойдя до ворот, мы снова замолчали. Пока мать рылась в сумочке, отыскивая ключи, я спрашивал себя, рада ли она, что на этот раз у нас будет праздник без папы.

– Бедный папа, – сказал я. – Он не сможет...

И она сказала:

– Бедняжка мой. Он бы так тобой гордился.

За два дня до моего дня рождения мать слегла.

– Когда надо будет, я непременно встану, – убеждала она меня и Сью, когда мы поднялись ее навестить. – Я ведь не больна – просто очень, очень устала. – Я видел, что ей трудно держать глаза открытыми.

Пирог она уже испекла и украсила его кремовыми кругами, красными и голубыми, а в центр пирога воткнула свечу. Эта одинокая свеча очень развеселила Тома.

– Тебе не пятнадцать! – вопил он. – Тебе всего годик!

Рано утром Том прибежал ко мне и запрыгнул на кровать.

– Вставай, новорожденный! Тебе сегодня годик!

За завтраком Джули молча вручила мне кожаный несессер, в котором обнаружили металлическая расческа и ножницы для ногтей. Сью подарила мне научно-фантастический роман. На обложке, на фоне темного неба и ярко сияющих звезд, огромный монстр сжимал в своих щупальцах космический корабль.

Я отнес поднос в спальню к матери. Когда я вошел, она лежала на спине с открытыми глазами. Я присел на край кровати, поставил поднос на колени. Она села, откинувшись на подушки, и сделала несколько глотков чая. Потом сказала:

– С днем рождения, сынок. По утрам в горле пересыхает – не могу говорить, пока чего-нибудь не выпью.

Мы неуклюже обнялись, она все еще держала в руке чашку. Потом протянула мне конверт, и я его открыл. Внутри лежала поздравительная открытка и две фунтовые бумажки. На открытке я увидел фотографический натюрморт: глобус, стопка старинных книг в кожаных обложках, удочка и крикетный мяч. Я снова ее обнял. Мама охнула – чашка в ее руках опасно накренилась и едва не соскользнула с блюдечка. Еще немного мы посидели вместе. Она сжимала мою руку в своей, желтоватой и морщинистой, – как куриная лапа, подумал я.

Все остальное утро я валялся в постели и листал книгу – подарок Сью. В первый раз в жизни я читал роман. На какие-то споры, миллионы лет дрейфующие по Вселенной, случайно упал особый луч одной умирающей звезды и породил колоссального монстра, который питается рентгеновскими лучами и бесчинствует на космической трассе Земля – Марс. Задача командора Ханта не только победить чудовище, но и уничтожить его гигантский труп. «Если мы позволим ему дрейфовать в пространстве вечно, – объяснял Ханту на одном из многочисленных совещаний какой-то ученый, – то не только создадим риск столкновения – нас ждет нечто худшее. Кто знает, что могут сотворить с этой гниющей горой материи другие космические лучи? Кто знает, какие еще чудовищные мутации может претерпеть это тело?»

Когда вошла Джули и сказала, что мама не может встать и поэтому праздновать мы будем у нее в спальне, я был так поглощен приключениями командора, что не сразу понял, о чем она говорит.

– И сделай одолжение, – добавила Джули, выходя, – ради мамы хоть раз в жизни умойся!

Когда настало время обеда, Том и Сью отнесли наверх посуду и пирог. Я заперся в ванной и встал перед зеркалом. М-да... Командор Хант определенно не взял бы меня в экипаж. Чтобы скрыть проблемы с кожей, я пытался отращивать бороду. Но волосков в ней было очень немного, и каждый из них, словно указующий перст, направлял взгляд к пламенившему прыщу у своего основания. Я наполнил раковину горячей водой и опустил туда руки, опершись о ее дно и придвинувшись к зеркалу. Так я порой проводил по полчаса – погрузив руки в воду и не отрывая глаз от своего отражения. Тщательнее «умываться» мне не случалось. Вместо мытья я грезил наяву – на сей раз о командоре Ханте. Когда вода остыла, я вытер руки и достал из кармана подарок Джули. Ногти постриг быстро, а вот причесывался долго, укладывая прямые русые волосы в разных стилях, и наконец решил отпраздновать свой день рождения пробором наискосок.

Когда я вошел в спальню матери, Сью запела «С днем рождения!» – и все подхватили. На прикроватном столике покоился пирог с уже зажженной свечой. Мать лежала, окруженная подушками, губы ее шевелились в такт песне, но голоса я не слышал. Песня закончилась, я задул свечу, а Том принялся скакать вокруг кровати и вопить: «Тебе годик, тебе годик!» – пока Джули на него не шикнула.

– Очень хорошо выглядишь, – сказала мать. – Ванну принял?

– Ага, – ответил я и начал резать пирог.

Сью разлила по чашкам апельсиновый сок, который, как она гордо сообщила, сама выжала из четырех фунтов настоящих апельсинов.

– Мам, а разве бывают ненастоящие апельсины? – спросил Том.

Мы все засмеялись. Том, гордый своим успехом, повторил эту фразу еще несколько раз, но такого эффекта уже не было. Праздник вышел какой-то ненастоящий, и мне не терпелось вернуться к книге. Джули расставила стулья полукругом с одной стороны кровати, и мы сидели, откусывая от пирога и прихлебывая сок. Мама ничего не ела и не пила. Джули старалась нас расшевелить.

– Расскажи тот анекдот, который ты мне вчера рассказывала, – попросила она Сью.

Сью рассказала анекдот, и мама засмеялась. Тогда Джули сказала Тому:

– Том, покажи, как ты делаешь «колесо».

Нам пришлось сдвинуть в сторону стулья и тарелки, и Том принялся кувыркаться и дурачиться на полу. Через несколько минут Джули его остановила и повернулась ко мне:

– А ты, может быть, нам споешь?

– Я никаких песен не знаю, – ответил я.

– Как это никаких? – не отставала она. – А «Зеленые рукава»?

Тут я разозлился:

– Да что ты здесь командуешь? Что ты, Господь Бог, что ли?

Вмешалась Сю.

– Джули, давай ты сама что-нибудь сделаешь, – предложила она.

Пока я спорил с Джули, Том скинул ботинки и забрался к маме в постель. Она обняла его за плечи и смотрела на всех нас, как будто из дальнего далека.

– В самом деле, – сказал я Джули, – почему бы для разнообразия тебе что-нибудь не сделать?

Джули молча вышла на свободное место, где только что кувыркался Том, отступила к стене, сделала два шага и вдруг перевернулась и встала на руки, сильная, гибкая и прямая, как стрела. Юбка ее при этом упала на голову. Белоснежные панталоны казались особенно белыми на загорелых ногах; я видел, как плотно эластичная ткань обтягивает плоский мускулистый живот, видел в паху, совсем рядом с белой тканью, несколько черных волосков. Ноги ее, поначалу сжатые, теперь медленно расходились в стороны, словно гигантские руки. Вот Джули снова свела ноги, опустила их на пол и вскочила. А в следующий миг я, совершенно неожиданно для себя, обнаружил, что распеваю страстным дрожащим тенором «Зеленые рукава».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.